назвать Руссо, Байрона или Лермонтова, и рядомъ съ отвлеченно-философскимъ и чисто поэтическимъ значеніемъ, представляемымъ этими именами, сразу вырисовывается личность автора, хотя бы мы не имѣли никакого понятія о его біографіи. Въ этомъ состоитъ различіе мыслителей и художниковъ субъективныхъ отъ объективныхъ, различіе, которое, разумѣется, не можетъ быть точно опредѣлено и доказано, но которое сразу чувствуется и обусловливаетъ совершенно различное впечатлѣніе и настроеніе читателя.

Къ какой же изъ этихъ двухъ категорій должны мы отнести талантъ графа Л. Н. Толстого?

Какъ *художникъ*, онъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ *объективныхъ* писателей; тонкій и глубокій психологическій анализъ, позволяющій ему проникать въ душу самыхъ разнородныхъ изображаемыхъ имъ типовъ, позволяетъ намъ видѣть ихъ предъ собою живыми, и личность автора ни на волосъ не измѣняетъ ихъ очертаній и не придаетъ имъ ни малѣйшаго посторонняго оттѣнка.

Какъ писатель-*моралистъ*, графъ Толстой, наоборотъ, принадлежитъ къ числу самыхъ *субъективныхъ* мыслителей, и въ этомъ его сила и его слабость.

Истина одна, но способы выраженія и доказательства ея могутъ быть весьма разнообразны. Тамъ гдѣ нужно передать только отвлеченное зна-